

Андрей Корф

Эротический этюд №№ 35- 41

*Часть сборника
Сто осколков одного чувства
(сборник)*

Андрей Корф

Эротический этюд №№ 35-41

«Институт соитологии (ИС)»

Корф А.

Эротический этюд №№ 35-41 / А. Корф — «Институт соитологии (ИС)»,

ISBN 978-5-457-10925-4

«...Море шевелилось перед ней, толпилось воспоминаниями, мелькало барашками будущих дней. Сотни голосов сливались в одно невнятное бормотание, порой угрожающее, порой – одобрительное. Но чаще всего – мудро безразличное ко всему людскому, начиная с этой маленькой несчастной девочки, которая бросает в волны камень за камнем, привязав к каждому по одному слову, одному взгляду, одному прикосновению своего Любимого и Ненавистного. Ни слова, ни взгляды, ни тем более прикосновения тонуть не желали и качались на волнах слепыми солнечными бликами. Девочка, не в силах смотреть на это, крепко зажмурилась. Ей было очень плохо, честное слово...»

ISBN 978-5-457-10925-4

© Корф А.
© Институт соитологии (ИС)

Содержание

Венок этюдов	5
Эротический этюд № 35	5
Эротический этюд № 36 Подорожник	8
Эротический этюд № 37 Полынь	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Андрей Корф

Эротические этюды №№ 35-41

Венок этюдов

Эротический этюд № 35 Подснежник

– Выпьем за чистоту! Что вам налить? Вина? Яда? Воды из-под крана?

...Море шевелилось перед ней, толпилось воспоминаниями, мелькало барашками будущих дней. Сотни голосов сливались в одно невнятное бормотание, порой угрожающее, порой – одобрительное. Но чаще всего – мудро безразличное ко всему людскому, начиная с этой маленькой несчастной девочки, которая бросает в волны камень за камнем, привязав к каждому по одному слову, одному взгляду, одному прикосновению своего Любимого и Ненавистного.

Ни слова, ни взгляды, ни тем более прикосновения тонуть не желали и качались на волнах слепыми солнечными бликами. Девочка, не в силах смотреть на это, крепко зажмурилась. Ей было очень плохо, честное слово...

Она родилась на свет чистой, как снежинка. Только ветер смел касаться ее своим дыханием. Она всегда сторонилась мальчишек, особенно влюбленных, потому что ждала того единственного, который не даст ей упасть на землю, а подставит свои ладони.

И дождалась, конечно.

Она узнала его по руке, протянувшей билет в трамвае для передачи на компостер. Увидев эти пальцы, она захотела прижаться к ним щекой, но это было бы неловко, поэтому она просто взяла билет и передала его дальше. Билет вернулся простреленным навывлет и мятым. Она передала труп билета Руке, и ей показалось, что Рука взяла его с жалостью. Так или иначе, но, увидев эти пальцы еще раз, Она только укрепилась в мысли, что Рука – та самая.

Она поглядела на лицо. Лицо оказалось юным. Черные брови, мальчишеский чуб, девчачьи губы. Хороши были также и глаза. Хотя посмотрели они удивленно, что вполне понятно.

Она улыбнулась этим глазам своими – лучистыми, как и полагается у снежинок. И направилась к выходу. В трамвае ей было делать больше нечего, ведь то место, куда она ехала, уже не имело никакого значения.

Он, разумеется, вышел следом и побрел по другой стороне улицы, чуть позади. Она недовольно оглянулась, не понимая, почему он не спешит подойти. Он смутился и отстал еще больше. Тогда она перешла улицу, и сама решительно направилась к нему. Он остановился и стал разглядывать цирковую афишу. Он так дрожал от волнения, что воробьи по соседству перестали драться из-за хлебной крошки и удивленно уставились на него.

Она подошла и сказала то, о чем думала всю последнюю четверть часа:

– У тебя очень красивая рука.

Он посмотрел на свою руку, потом на другую, пытаясь понять, почему красивой названа только одна из двух. Обе имели сейчас довольно жалкий вид, пальцы предательски дрожали. Он поспешил опустить их с глаз долой.

– А тты... вы... вся крассивая! – выдавил он, как испорченный огнетушитель, заправленный до отказа. То есть до полного отказа.

Она мимоходом взглянула на себя в ближайшем окне и подумала, что он прав.

– Куда идешь? – спросила она. – Пойдем вместе!

– Никуда не иду, – глупо ответил он.

– Ну, значит, мы никуда не идем вместе, – Она оглянулась, будто привыкая к новому дому.

Ей понравились стены, а на потолке были нарисованы облака. Заметим в скобках, что дело происходило на Чистопрудном бульваре. Чугунный «горе-умница» стоял с унылым видом театрального администратора, окруженного толпой контрамарочников – собственных персонажей.

Они постояли еще минутку. Толпа образовала вокруг них пенные бурунчики. Воробьи, ошалевшие от удивления, потолкались, было в ожидании хлеба, но быстро разобрались, что к чему, и перелетели на бульвар к знакомой старухе с половиной батона в руке.

Старуха же повела себя странно. Вместо того чтобы раскрыть хлебную ассигнацию на воробьиные копейки, она вдруг завалилась набок, как плохо одетый манекен. Хорошо одетые манекены покосились на это и ускорили шаг, проходя мимо.

Но Ее мальчишка вышел из оцепенения и бросился на помощь. Она, ничуть не удивившись, побежала следом. Однако ей пришлось переждать несколько машин, а Он успел перелететь дорогу перед потоком.

Когда она оказалась на месте, все было уже в порядке. Старушка благодарно улыбалась Ее мальчику и даже порывалась закурить, для чего достала пачку «Казбека» и длиннейший мундштук. Мальчишка отговаривал ее, приводя в пример постные изречения Минздрава и не слишком убедительные жесты. Он опять скис после того, как помог старухе, и снова глядел на девочку с трусливым недоумением.

Она же улыбалась и ему, и старушке, и Грибоедову, и даже Молчалину на барельефе, хотя вот уж кто никаких улыбок не заслужил, особенно от снежинок.

Что было дальше, легко представит себе читатель, давший себе труд ознакомиться с этюдом № 16. Для тех же, кто пролистал его, не глядя, я поясню в двух словах, что мальчик и девочка попали на День Варенья к обыкновенной городской фее, одной из многих. Но речь сейчас не о ней, хотя именно благодаря этой доброй женщине оба оказались в обстановке, где вместо дерущихся на асфальте воробьев – воркующие на подоконнике голуби.

Речь о мальчике и девочке, взявших с голубей пример, и, скажу вам по секрету, их первая ночь была удивительна. Девочку не подвел ее инстинкт. Впрочем, инстинкт не подводит никогда, только, кто из нас дает себе волю его послушаться?

Она упала в подставленные ладони, кружась в косом свете фонаря из окна, и растаяла в них целиком, без остатка. В комнатепряно пахло Временем от старой мебели и вещей. А в зеркале отражались два голых ребенка. И две взрослые тени от двух голых детей.

Они трогали друг друга. Человек слеп, пока не познает мир на ошупь. И прозревает только однажды. В первую ночь любви. Что и произошло с обоими. Их руки открыли друг для друга невидимую страну Лиц – и губы слились в одно, как две капли дождя на стекле. Потом руки пустились в путь по океану Тел, чуя под собой головокружительные глубины. Буря была не за горами, но флотилия пальцев двигалась ей навстречу под всеми парусами. Каждый корабль знал, где его гавань. И в порту его встречали салютами...

Потом, за утренним чаем, оба тщетно боролись с головокружением, и бедной старушке пришлось лично проводить их до бульвара. Где они рухнули на первую скамейку, успев обняться раньше, чем приземлились.

Убедившись, что никто из них не попал под машину, фея исчезла быстрее, чем я печатал слово «исчезла». Вдогонку за ней с мяуканьем промчался июнь, следом с лаем пролетел июль – и, наконец, родители увезли Ее на море, несмотря ни на какие безутешные и горькие.

Расставаясь, они наговорили друг другу столько клятв, сколько звучит при принятии присяги воинской частью не меньше батальона. Из города в город летели стаи писем, переводя роман из воробьиной сумятицы и голубиноного воркования – в журавлиную чистоту разлуки.

Одно из писем, как ни странно, было написано не им. Оно пришло от подруги, и говорилось в нем, что Мальчик теперь живет с ней. Девочка долго читала это письмо и не могла понять, что в нем написано. Потому что, когда прозревают руки, глаза начинают сдавать.

А когда поняла, то заплакала и пошла на море. Мы застали ее в первый день тоски, когда в ней еще не забродила уксусная горечь. Не будем ждать, пока это произойдет, у нас и своих бед хватает, не так ли. А девочку пожалеет море. И куда лучше нас с вами.

Что же до мальчишки... Гад, конечно, что тут еще скажешь.

Хотя...

Он родился чистым, как квинта. И остался бы чистым навсегда, если б не старые часы...

Эротический этюд № 36 Подорожник

Он родился чистым, как квинта. И остался бы чистым навсегда, если б не старые часы...

Обыкновенные, настенные, грошовые, ценой в 10 рублей 40 копеек, купленные в советском галантерейном магазине мамой нашего героя лет эдак...надцать тому. Из тех часов, что годами живут на стене, став метрономом для всех сердец в доме...

Однако начало этой истории не имеет никакого отношения к домашнему уюту. Напротив, оно протирает бокал у стойки бара, каковые были редкостью с тот день, когда советская сумчатая женщина зашла в галантерейный магазин за часами.

Нынче их много. Баров. Как пасеки, они тянутся вдоль улиц, собирая горький мед одиночества с бутонов ночных фонарей. Иные полны пчел, иные заброшены. Но во всех пахнет медом и воском...

Словом, история началась в баре. Мальчишка сидел в уголке перед кружкой пива, смотрел на дверь и думал о том, что сейчас дверь откроется и в бар войдет Она. Он еще не был с Ней знаком и очень боялся, что не узнает при встрече. Он вообще не был уверен, что Она существует, но почему-то был абсолютно уверен в том, что Она ходит по барам. Мало того, он был уверен в том, что однажды их пути пересекутся. Иногда он трусливо признавался себе, что ждать судьбу с кружкой пива в руке приятнее, чем бегать за ней по сугробам. Но, в конце концов, каждый имеет право ждать, где хочет. Хотя бы и в баре за кружкой пива...

Ему надоело смотреть на дверь, он оглянулся по сторонам. В красном углу ринга с видом боксера в нокдауне сидел нализовавшийся мужичок. Над ним по-тренерски хлопотала немолодая и некрасивая проститутка. Она давно уже звала его куда-то, то подсакивая, то присаживаясь, ни на минуту не умолкая. Он досадливо морщился.

За стойкой замер бармен с мертвыми глазами. От него пахло воском. Он тоже смотрел на дверь.

Больше в баре никого не было. Не считая Криса Ри.

...Нет, это неправильные пчелы, и мед у них – неправильный, пьяно подумал мальчик и пошел в туалет – отлить на дорожку.

Возвращаясь, он сразу понял, что Его Женщина уже здесь. От бармена пахло медом, он больше не смотрел на дверь. А девка в углу разошлась пуще прежнего, теперь она тянула своего попутчика за руку. А тот с обалдевшим видом смотрел туда же, куда косились медовые глазки бармена.

Мальчик остановился. Отсюда он еще не видел Свою Женщину, но ее отражение хохотало в глазах проститутки, плакало в зрачках пьяницы, таяло под ресницами бармена. Он узнал Ее сразу. И замер, боясь обмануться после следующего шага. И тут же сделал шаг, боясь, что она уйдет...

Она жевала. Не подумайте, что чавкала или, скажем, давилась от нетерпения. Ничего такого. Просто с аппетитом жевала горячий гамбургер. И запивала его пивом. У нее были голодные глаза и растрепанная ветром прическа. Она была очень мила. Мальчику показалось, что Она прекрасна.

Он снова остановился. Путь к его столику в архипелаге других, необитаемых, лежал мимо Нее. У него было три шага на размышления.

Три... Два... Один...

– Приятного аппетита, – сказал он, поравнявшись с ней.

– Спасибо, – она удивленно посмотрела на него и улыбнулась. Вблизи она оказалась старше и показалась еще красивее.

- Я хочу пригласить вас потанцевать.
- Можно, я сначала доем?
- Да. А можно я подожду здесь, за вашим столиком?
- Нет.
- А танцевать со мной пойдете?
- Пойду.

Он сидел за своим столиком и ненавидел Ее гамбургер. Она же, шкода такая, нарочно ела, не спеша, давая рассмотреть себя, как следует. Как Ее следует рассматривать, он не знал, поэтому просто уставился ей в глаза.

Ему показалось, что в мире наступила тишина. И не какая-нибудь обыкновенная, позвякивающая уздечками троллейбусов, а самая настоящая, оглушительная, как контузия после взрыва.

В такой тишине все происходящее начинает казаться сном. Сначала Ему приснилось, как Она досадливо отбросила свой бутерброд, как сама подошла к нему и что-то спросила. Он ответил наугад, не слыша собственного голоса. Потом ему приснилось, как они танцевали, только это было трудно, потому что музыки он не слышал. Потом сон понесся вскачь, обрывками, ему снились то ночные улицы, то полупустой бульвар, то салон такси и пролетающие мимо деревья... И все это время ему снилась Она – смеющаяся, очень близкая, понимающая каждую его фразу раньше, чем он успел произнести ее. Единственная...

Даже утром, проснувшись дома в середине дня, он ощутил в себе удивительную вчерашнюю тишину. Эта тишина была Счастье, и в этой тишине неоновой вывеской горела только одна фраза: «Завтра. Там же. В девять».

Он не помнил, как прошел остаток дня. Он смотрел на часы, те самые, и ему казалось, что они стоят. Но они встали только в полвосьмого, и он этого не заметил. Разумеется, накануне он забыл завести их. И домашний метроном жестоко отомстил ему за это...

Тишина закончилась как-то сразу. В окна, как компания подгулявших гостей, ввалились городские звуки. Он пришел в себя и, матеря часы предпоследними словами (последние оставляя для себя самого), выскочил из дому. К давешнему бару он подбежал с опозданием на полчаса. Он вошел внутрь, боясь оглядеться. И – попал во вчерашний день. Та же странная пара сидела в углу, только теперь они были муж и жена, и теперь пьяной была женщина, а мужчина что-то бормотал ей на ухо. Восковой бармен стоял на том же месте. Крис снова колесил по дороге в ад. И, конечно, Она сидела за вчерашним столиком, спиной к вошедшему кавалеру.

Он подошел тихо, как нашкодивший пес. Он боялся вздохнуть...

– Привет, кисуля, – прозвучал Ее голос.

Камень упал с его души.

– Ничего, что я звоню? Ты не занята?

Камень вернулся на место. Он увидел в ее руке маленький сотовый телефон и даже почувал запах воска.

– Откуда звоню? С Никитской. Есть тут забегаловка, дыра редкостная. И, представь, у меня тут свидание. Да, да, не смейся... Вчера забежала перекусить, приклеился мальчик, пригласил потанцевать – и пошло-поехало... Нет... Не трахались еще. Сегодня я его докручу. Вчера он никакой был... Да, пьяный. Или обкуренный, кто их теперь разберет... Молол какую-то ерунду. Но руки хороши, и губки – как у девочки... Что? Да ладно тебе, старая развратница... Когда это было... Как там твой поживает?...

За ее спиной громко хлопнула дверь. Она обернулась, удивленно пожала плечами и поглядела на часы. Пожала плечами еще раз и вернулась к разговору с подругой. На ее «Ролексе», который никуда не спешил и ни от кого не отставал, было без четверти десять. Те,

другие часы все еще топтались на восьми. Они смотрели в спину Времени с видом хромой дворняги на ипподроме.

– This is the road to hell, – сказал Крис Ри.

Вот такая история. А ведь все могло случиться иначе.

Она родилась чистой, как монахиня в банный день. И осталась бы чистой навсегда, если б не уличная пробка на Большой Дорогомиловской...

Эротический этюд № 37 Полынь

Она родилась чистой, как монахиня в банный день. И осталась бы чистой навсегда, если б не уличная пробка на Большой Дорогомиловской...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.